

А. Е. Коняев

Становление нотариата в Ярославском и Ивановском регионах (конец XVIII – XIX в.)

Нотариат как правовой институт, призванный удостоверить законность отношений между людьми, утвердился в России далеко не сразу. Этому во многом «способствовал» менталитет подданных Российской Империи. Автор статьи рассматривает основные причины, по которым россияне долгое время уклонялись от нотариального оформления сделок, и использует для этого краеведческий материал по истории Ярославского и Ивановского регионов.

Ключевые слова: нотариат, история, становление, развитие, менталитет, патриархальный уклад, Великие реформы, укрепление правовых отношений.

А. Е. Коняев

Development of the Notariate in Yaroslavl and Ivanovo Regions (the end of 18th–19th centuries)

The notariate, a legal institute designed to certify legitimacy of relationship between people, wasn't established immediately in Russia. It was mainly because of the mentality of subjects of the Russian Empire. Basing on historical materials of Yaroslavl and Ivanovo regions, the author analyzes the main reasons for Russians to avoid using notary services.

Keywords: notariate, history, foundation, development, mentality, a patriarchal structure, Great reforms, strengthening of the legal relationships.

Нотариатом называется правоохранительный институт, «носители которого – нотариусы – уполномочены государством совершать и свидетельствовать юридические акты, придавая им значение актов публичных» [21, с. 390]. В России нотариат получил свое юридическое оформление лишь 14 апреля 1866 г., когда было опубликовано «Положение о нотариальной части» [8], хотя практика государственной регистрации различных частнопроводимых актов к тому времени насчитывала уже не одно столетие.

Само слово «нотариус» пришло в Россию в 1717 г., вместе с новыми органами государственного управления – коллегиями. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона так описывает принцип их работы: «Для рассмотрения дел коллегии должны были заседать ежедневно, кроме праздничных дней. На одном конце стола садился президент коллегии, справа и слева от него размещались по старшинству советники и асессоры. За особым столом в той же комнате сидели секретарь и нотариус. Секретарь был начальником канцелярии и докладчиком в заседаниях коллегии. Присутствующие большинством голосов постановляли по докладу решение, которое тут же вносилось нотариусом в протокол, подписываемый всеми членами коллегии» [20, с. 693]. То есть первоначально нотариусом называли чинов-

ника, ведущего протокол заседания, секретаря уже в современном значении этого слова. По всей видимости, внедрение термина «нотариус» было тогда связано в первую очередь с массовыми и не всегда продуманными заимствованиями из европейских языков; позже знаток русского права Н. С. Таганцев отметит «испещренный германизмами слог петровских указов» [17, с. 143].

Нотариальные функции в современном понимании этого понятия по итогам петровской реформы были возложены на «конторы крепостных дел», состоявшие из писцов и следивших за ними надсмотрщиков; эти конторы находились в подчинении Юстиц-коллегии. Главной задачей «контор крепостных дел» было оформление актов на владение землей и крепостными.

В 1729 г. был опубликован «Вексельный устав», в котором термин «нотариус» впервые используется в привычном для нас смысле: этим словом обозначался сотрудник биржи, работавший на частной основе, чьей профессией было грамотное оформление векселей и их фиксация в особой «маклерской книге». Только после этой процедуры вексель приобретал юридическую силу, то есть подлежал опротестованию в суде в случае неплатежа в срок. Протест векселя также осуществлял нотариус, однако «где [нотариуса] нет – то звать таможенного или ратушного кан-

целяриста, а в малых уездных ярмарках, где та-можен нет, земского дьячка, при двух, ежели больше не случится, свидетелях» [15, с. 428]. Биржи тогдашнее законодательство предполагало учредить в каждом городе при городских магистратах, однако «эти планы в большинстве случаев не сбылись» [19, с. 315]; региональные биржи появляются в России только с 40-х гг. XIX в. Соответственно, не получил развития в XVIII в. и институт биржевых нотариусов.

Почти столетие, до середины XIX в., большинство действий, называемых сегодня нотариальными, выполнялось либо канцеляристами городских магистратов, либо маклерами, выбираемыми горожанами из отставных чиновников или из купцов с достойной репутацией. Примерно со 2-й четверти XIX в. термины «нотариус» и «маклер» фигурируют в документах наравне, иногда следуя рядом один за другим.

Первый дошедший до нас ярославский документ, где фигурирует слово «нотариус» в привычном нам сегодня значении, – это «Книга 2-я, выданная из Ярославской градской думы ярославскому публичному нотариусу Колотилову для записки в оную заемных писем на текущий 1825 год» [4]. Среди нотариальных актов, относящихся к современной Ивановской области, древнейшим из дошедших до нас является «Книга Шуйского городского магистрата для записки предъявляемых у нотариуса заемных писем на 1831 год» [1].

При этом любопытно отметить, что шуйским нотариусом тогда был государственный служащий – «определенный к протестованию векселей секретарь Николай Федоров», то есть частного лица, желавшего работать регистратором долговых обязательств горожан, в Шуе не нашлось.

Еще более примечательная история случилась в 1800 г. в г. Юрьевце современной Ивановской области, куда пришло предписание аж из Санкт-Петербурга. Как следует из материалов сохранившегося «Наряда по указу Костромского губернского правления о выборе из купечества в маклеры», 29 сентября 1800 г. император Павел Первый обнаружил, что одним из регистраторов сделок был утвержден «иностранец Кирхнер». За это импульсивный самодержец немедленно отправил в отставку вице-президента Коммерц-коллегии (контролировавшей процесс выборов и утверждения маклеров) Долинского и предписал повсеместно привлечь к работе маклерами только подходящих для этого по закону людей – как уже отмечалось выше, имеющих достойную ре-

путацию отставных чиновников или купцов. Копия государева указа пришла в Костромское губернское правление, а оттуда была переправлена в Юрьевец, где маклером трудился никогда не состоявший на госслужбе мещанин Хлебников. На это Юрьевецкая городская дума отвечала, что «по малому количеству купцов, к тому же по состоянию некоторых из них выбранными на разные должности, а из оставшихся по несоответственности их – в помянутые маклеры выбрать некого, почему и уверяет купеческое общество означенную должность прежде бывшему из мещан маклеру Петру Хлебникову» [3. Л. 6], то есть из-за нехватки подходящих людей была проигнорирована воля царя.

Возникает закономерный вопрос – почему становление нотариата происходило с такими трудностями?

На наш взгляд, главная причина заключалась в том, что нотариальное оформление сделок не было востребовано населением тогдашней России, а соответственно, не приносило и большого дохода.

С 1770-х гг. начинается и окончательно закрепляется в 1820-е гг. весьма строгое разделение маклеров по видам деятельности: существовали «маклеры слуг и рабочих людей», занимавшиеся оформлением трудовых отношений; «частные маклеры», специализировавшиеся на регистрации сделок с недвижимостью; маклеры, оформлявшие договоры «о купеческом водоходстве» (перевозке по рекам значительных грузов) и т.д. По замыслу законодателей, это должны были быть «узкие специалисты», дотошно разбирающиеся каждый в своей отрасли регистрации имущественных прав и отношений.

Однако каждый отдельный вид нотариальной деятельности сам по себе приносил ничтожный доход. Закон строго ограничивал вознаграждение маклера долей от суммы регистрируемого им акта; эта доля при оформлении разных видов актов колебалась от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ процента от суммы акта. Например, оформляя вексель на 100 рублей, маклер мог рассчитывать лишь на $\frac{1}{4}$ процента от его суммы, то есть на 25 копеек вознаграждения за свой труд.

Вот несколько характерных примеров из практики ярославских маклеров и нотариусов 2-й трети XIX в. В 1853 г. ярославский городской «маклер слуг и рабочих людей» за весь год оформил всего лишь 58 трудовых договоров, причем его максимальное вознаграждение составило $22\frac{1}{2}$ копейки – полпроцента от акта на 45

рублей: купец С. М. Миттель взялся обучить «13-летнюю крепостную девку» помещика А. Н. Васильева «немецкому портняжному ремеслу» в течение 5 лет, за что Васильев обязался платить Миттелю 9 рублей серебром в год, т. е. всего 45 рублей [7. Л. 2]. Еще более показательна статистика регистрации договоров «о купеческом водоходстве»: в 1833 г. было зафиксировано 44 таких акта, в 1834-м – 27; причем эта работа во многом носила сезонный характер – так, в 1833 г. ровно половина всех зарегистрированных договоров была оформлена в декабре, с прицелом на предстоящую навигацию 1834 г. [5, 6]. Трудно поверить, что в торговом Ярославле за весь 1834 г. на самом деле было осуществлено лишь 27 речных грузовых перевозок.

В г. Шуе современной Ивановской области за 1832 г. в «Книгу для записки духовных» было внесено всего лишь одно завещание, которое его составитель – мещанин А. А. Сметанин – пожелал оформить законным порядком [2. Л. 1 – 1-об.].

Таким образом, мы видим: в конце XVIII – 1-й пол. XIX в. нотариальные услуги были мало востребованы населением Центрально-Европейской России. Было ли дело только в необходимости за них платить? В этом есть значительные сомнения, учитывая низкую стоимость этих услуг. Едва ли купец, отпускающий товар, к примеру, на 400 рублей, под вексель, поспешил бы заплатить рубль ($\frac{1}{4}$ процента от суммы акта) нотариусу, чтобы взамен получить гарантию своего права взыскать стоимость товара через суд, если должник не заплатит в срок.

В связи со сказанным выше у нас есть известные основания предполагать, что главным тормозом на пути развития нотариальных отношений в России накануне реформы 1866 г. был менталитет населения и особенности его жизни.

Если задать вопрос, что же в целом защищает нотариат, то очевиден ответ: имущественные права личности, как при жизни (юридическое оформление имущественных и торговых сделок разного рода), так и на случай смерти (фиксация воли собственника о распоряжении имуществом в завещании и т. п.).

На этот счет любопытно рассуждает крупнейший современный исследователь социальной истории России периода Империи Б. Н. Миронов. По его словам, и в середине XIX в. основным видом семьи в российской деревне (а в городах тогда проживало не более 10% населения страны) оставалась патриархальная семья: не-

сколько поколений совместно проживали в одном большом доме, находясь под абсолютной властью «патриарха», старейшего мужчины в роду. «Дети, по крайней мере, до женитьбы, находились в полной зависимости от родителей и должны были быть абсолютно им послушны под страхом наказания. В XVIII – 1-й половине XIX в. власть отца над детьми была столь велика, что их отдавали в кабалу и в зажив, то есть в услужение в оплату за долги». Также Б. Н. Миронов приводит суждение одного из очевидцев от 1851 г.: «Иметь одного старшего в доме и слушаться его во всем – это одна из отличительных черт характера русского народа. Мило смотреть на это маленькое патриархальное управление. Вот где зародыш безусловного повиновения русского народа властям, от Бога поставленным» [13, с. 238, 243]. Известный современный ярославский краевед Я. Е. Смирнов приводит описание традиционного ритуала, сопровождавшего уход ярославца на заработки в другие города, сохранившегося до конца XIX в.: «Припадает он с поклоном к своему кормильцу: “Батюшка! Благослови меня идти на чужую сторону на заработки: там много нашего брата живет, а я из твоей воли не выйду нигде!”» [16, с. 16].

Очевидно, что в подобной семье редко нуждались в составлении завещания или в юридической фиксации раздела имущества.

Не менее существенным препятствием на пути развития нотариата в Ярославском и Ивановском краях было крепостничество. С начала XVIII в. в обоих регионах идут примерно одинаковые процессы: развивается мелкотоварное, а затем и достаточно крупное производство, причем развивается главным образом благодаря таланту и находчивости крестьян. Так, в Ивановском крае в начале XVIII в. подавляющее большинство холста (основной продукции местной промышленности) производилось крестьянами вручную. К середине столетия уже выделяются несколько семейств «оборотистых» крестьян, которые не только сами производили ткань, но и скупали произведенное более бедными односельчанами для последующей крупной торговли на ярмарках – то есть постепенно такие крестьяне превращались в купцов. Казалось бы, именно для таких людей в свое время и был создан нотариат – правоохранительный институт, защищающий прежде всего частную собственность и придающий легитимность богатству.

Однако в условиях крепостной зависимости публично объявлять о своем состоянии и торго-

вом обороте было чревато: «Помещик, узнав о богатстве крестьян, под различными предлогами отбирал деньги, поэтому деньги припрятавали, а не вкладывали в дело» [10, с. 8]. Неслучайно, что уже в 1741 г. в Иванове случился скандал: местные жители обвинили крупного скупщика полотна М. Грачева в утайке прибыли – по их подсчетам, скупщик путем «воровских выписей» (фиксации в официальных документах значительно меньшей суммы прибыли и торгового оборота) присвоил себе 500 рублей. Наиболее злопамятные односельчане припомнили Грачеву, что тот тем же способом «себе и пожитки нажил», то есть сколотил все свое состояние [18, с. 11]. (Чтобы оценить размер приписываемых Грачеву хищений, обратимся к официальным данным: за весь 1725 г. на одной из крупнейших региональных ярмарок в с. Дунилове было продано товаров на 5216 рублей).

При этом заметим, что перекупщик действовал весьма логично: когда в 1795 г. еще один крестьянин из того же рода, Е. И. Грачев, первым выкупился у графа Шереметева на волю, то бывший барин в обмен на «вольную» забрал почти все, чем к тому времени легально владел Грачев: 135 тысяч рублей серебром, фабрику, обширные земельные угодья и т. д. [12, с. 8].

Похожей была и ситуация в Ярославском крае; закономерным итогом привычки утаивать прибыль, передававшейся в семьях «капиталистских» крепостных из поколения в поколение, стала картина, виденная «бытописателем» Н. П. Боголюбовым в Рыбинске на рубеже 1850–1860-х гг. В городе к тому времени уже имелись два училища, однако в них было «весьма мало учащихся, да и те берутся родителями домой, едва выучась читать и писать, и доканчивают свое воспитание в лавках, где приучаются к обманам с детства» [11, с. 63]. В окрестностях г. Углича в 1844 г. были зафиксированы целые деревни, жители которых, вместо того чтобы торговать или работать, занимались профессиональным нищенством; «спустя более чем полвека времена сильно изменились, но традиции так быстро не исчезают»: толпы побирушек продолжали оставаться одним из главных зол Углича и в начале XX в. [14, с. 27, 28].

Таким образом, мы видим, что в числе главных трудностей на пути развития российского нотариата были проблемы с восприятием поданными Российской Империи самой идеи легальности имущественных отношений и идеи прав личности. Предстояло не только превратить

нотариат в юридически оформленный, самостоятельный правоохранительный институт, но и проделать огромную работу по изменению менталитета россиян.

Это было верно отмечено в 1865 г. славянофильской газетой «День». Рассуждая о Судебной реформе, начатой годом ранее (а именно в ее рамках и состоялись в 1866 г. нотариальная реформа и опубликование «Положения о нотариальной части»), «День» указывал на один из важнейших тормозов, способных остановить практическую реализацию самого благого теоретического нововведения: «Как только настал черед исполнения, то вступает в свои права сама русская действительность, и волей-неволей приходится с нею считаться... нужно, по крайней мере, хоть оглядеть, ощупать почву, на которой предстоит класть фундамент нового проектируемого здания – таких великолепных, громадных и тяжеловесных размеров. ...Еще не очищена почва от щеп и осколков сокрушенного крепостного быта, еще не освобождены из-под них ее производительные силы. Жизнь, возбужденная к сознанию и деятельности событием 19 февраля 1861 г. (отменой крепостного права. – Авт.), еще не успела сказать свое слово и явиться в могуществе свободных проявлений» [9, с. 1, 2].

Практика подтвердила мысли, высказанные автором газетной статьи (он предпочел остаться анонимным): стабильное развитие нотариата в Ярославском и Ивановском регионах начинается только с 1890-х гг., то есть со времени, когда выросло и вступило в жизнь поколение, не знавшее крепостного права и воспитывавшееся не в патриархальных традициях.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. 83. – Оп. 2. – Д. 331.
2. ГАИО. – Ф. 83. – Оп. 2. – Д. 344.
3. ГАИО. – Ф. 938. – Оп. 4. – Д. 20.
4. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. 501. – Оп. 1. – Д. 344.
5. ГАЯО. – Ф. 967. – Оп. 1. – Д. 230.
6. ГАЯО. – Ф. 967. – Оп. 1. – Д. 231.
7. ГАЯО. – Ф. 967. – Оп. 1. – Д. 1230.
8. Положение о нотариальной части 14 апреля 1866 года [Текст]. – СПб.: Государственная типография, 1883.
9. Москва, 8 мая [Текст] // День. – 1865. – № 19.
10. Балдин, К. Е. Яков Гарелин: предприниматель, историк, меценат [Текст] / К. Е. Балдин. – М.: Храм, 1993.

11. Боголюбов, Н. П. Волга от Твери до Астрахани [Текст] / Н. П. Боголюбов. – СПб.: [б. и.], 1862.
12. Ивановская область. По «Золотому кольцу России» [Текст] / редкол.: В. А. Ефимов [и др]. – Иваново: Референт, 2007.
13. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства [Текст] : в 2 т. Т. 1 / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
14. Рождественская, Н. Ю. Нищенство и благотворительность в Ярославской губернии в конце XIX – начале XX в. [Текст] / Н. Ю. Рождественская. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010.
15. Российское законодательство X–XX вв. [Текст] / редкол.: Е. И. Индова [и др.] : в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. – М.: Юридическая литература, 1987.
16. Смирнов, Я. Е. Жизнь и приключения ярославцев в обеих столицах Российской Империи [Текст] / Я. Е. Смирнов. – СПб.: Азбука, 2010.
17. Таганцев, Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая [Текст] / Н. С. Таганцев. – СПб.: Государственная типография, 1887.
18. Хорькова, Е. П. История предпринимательства и меценатства в России [Текст] / Е. П. Хорькова. – М.: ПРИОР, 1998.
19. Городовые магистраты [Текст] // Энциклопедический словарь. Издание Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. Т. IX. – СПб.: Типолитография И. А. Ефрона, 1893.
20. Коллегии [Текст] // Энциклопедический словарь. Издание Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. Т. XV–А. – СПб.: Типолитография И. А. Ефрона, 1895.
21. Нотариат [Текст] // Энциклопедический словарь. Издание Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. Т. XXI. – СПб.: Типолитография И. А. Ефрона, 1897.